

© 2017 г.

М.В. БОРОДАЧ

ФИСКАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ФОКУСЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА (ОТКЛИК В ПОДДЕРЖКУ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: В.И. КРУСС. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФИСКАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. 304 с.)

Бородач Михаил Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, директор Автономной некоммерческой организации «Центр “СОЦИС”» (Тюмень, Россия) (E-mail: supanova@yandex.ru).

Borodach Mikhail V. — PhD in Law, associate Professor, director of Autonomous non-profit organization «Center “SOCIS”» (Tyumen, Russia) (E-mail: supanova@yandex.ru).

Аннотация: работа представляет собой академический отклик, изложенный в виде авторских размышлений об основных идеях и воззрениях, сформулированных в монографии проф. В.И. Крussa “Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации” (2017). Излагается авторская оценка ряда наиболее значимых идей и позиций проф. В.И. Крussa, касающихся полноты реализации в сфере исполнения фискально-экономических обязанностей конституционных идей социальной солидарности, справедливости, равенства, а также верховенства и прямого действия правовых позиций Конституционного Суда РФ; делается вывод об их обоснованности и достоверности.

Abstract: this paper is an academic review developed as the author’s reflection on the key ideas and views formulated in the monograph of Prof. V.I. Kruss “Constitutionality of the fiscal duties in the Russian Federation” (2017). There in the review is presented the author’s opinion on the most important ideas and views of Prof. V.I. Kruss, concerning the issues of entirety of realization in the sphere of fiscal duties’ execution of such constitutional principles as social solidarity, justness, equality, as well as the supremacy and direct execution of the acts of the Constitutional Court of Russia; it is stated that those ideas and views seem to be well-reasoned and valid.

Ключевые слова: конституционализация, право, закон, основные обязанности, конституция, легитимность, Конституционный Суд РФ, социальная солидарность, налог, сбор.

Key words: constitutionality, law (ius), law (lex), constitutional duties, constitution, legitimacy, Constitutional Court of the Russian Federation, social solidarity, tax, fee.

Тем, кто активно интересуется новейшими разработками современных проблем конституционно-правовой науки (и даже более широко — конституционной науки права), едва ли необходимо специальным образом представлять проф. В.И. Крussa: его труды по различным аспектам конституционализации права, конституционного правопользования, противодействия злоупотреблению правом хорошо известны. Однако для тех читателей, кто находится лишь на начальной стадии “погружения” в обозначенный выше срез юриспруденции, всё же будет не лишним напомнить (или и вовсе дать ориентирующую подсказку) о том, что в начале 2016 г. в свет вышла принадлежащая его авторству монография “Конституционализация права: основы теории”: фундаментальная основательность этой работы, симфония

заложенных в ней методологических подходов и прогрессивных идей стали для нас в недавнем прошлом ключевым побудительным стимулом для подготовки соответствующего академического отклика¹.

Поясним, почему акцентированное упоминание о выходе в свет вышеназванной монографии представляется важным для последующего обсуждения новой работы В.И. Крussa, опубликованной в начале 2017 г. и посвященной исследованию актуального дискурса конституционализации фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации.

¹ См.: Бородач М.В. Комплексивный дискурс феномена конституционализации. Размышления по прочтении монографии: Крuss В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма, 2016. 240 с. // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 75–79.

Дело в том, что предшествующая монография, вышедшая в свет в 2016 г., согласно творческому замыслу ученого, с одной стороны, имела целью обеспечить систематизированное представление о конституционализации права в ее феноменологическом значении, а с другой — послужила своего рода прологом для специального исследования более “жанровых” проблем конституционализации российского права, имеющих отношение к определенным, относительно автономным сферам юридического быта современной России.

Вот почему новую работу В.И. Крусса “Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации” следует рассматривать прежде всего как логичное и в то же время обещанное автором заинтересованному читателю продолжение такой непростой, но столь необходимой дискуссии о понятии, смысле, формах и механизме конституционализации российского права в современных условиях.

При этом, предвзяв дальнейшее более детальное обсуждение вышеназванного научного труда, следует отметить, что по вполне понятным причинам (в том числе и в силу заявленной ученым предметной области исследования) в нем (по сравнению с монографией 2016 г.) присутствует существенно бо́льшая, конкретизированная привязка рассматриваемых вопросов конституционализации к практическим аспектам ее осуществления: в работе эта эпистемологическая методика реализована с опорой на многочисленные акты Конституционного Суда РФ, а также широчайший круг источников правоприменительной практики и различных судебных органов, фискальных администраторов. Что особенно важно, на протяжении всего изложения результатов проведенного исследования авторская позиция строго фокусируется вокруг того, что следует считать ключевой аксиологической доминантой любых форм конституционализации права, — вокруг конституционной композиции прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; эта гносеологическая парадигма была весьма убедительно обоснована проф. В.И. Круссом именно в монографии, опубликованной в 2016 г., в русле разработки общетеоретических основ конституционализации российского права².

С этих позиций представленное монографическое исследование различных аспектов конституционализации фискально-экономических обязанностей нужно в целом рассматривать как, по существу, доктринальную апробацию тех основополагающих, базовых теоретических разработок,

которые были представлены ученым в вышеназванной работе “Конституционализация права: основы теории”, в их весьма обстоятельном и убедительном эмпирическом преломлении.

Однако не только изложенные соображения объясняют тот высокий и неподдельный интерес, который вызывает новая работа В.И. Крусса. Дополнительно следует отметить, что примерно в это же время в свет вышла монография Председателя Конституционного Суда РФ, проф. В.Д. Зорькина “Конституционный Суд России: доктрина и практика”³, в которой ученым значительное внимание уделено анализу практики и оценке роли “главного” Суда страны применительно к конституционно-правовым аспектам интерпретации и совершенствования налогового законодательства, а также законодательства о социальных правах⁴. Напомним, что в монографии 2016 г. В.И. Крусс весьма последовательно и аргументированно отстаивал тезис о том, что единственным легитимным субъектом конституционализации российского права надлежит считать именно Конституционный Суд России⁵; данный тезис естественным образом занимает одно из ключевых мест в ряду методологических оснований и исследования, результаты которого представлены ученым в рецензируемой работе “Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации”. В этом контексте представляется, что релевантный сопоставительный анализ позиций и подходов, сформулированных в последних монографиях профессоров В.И. Крусса и В.Д. Зорькина, будет иметь значительный и полезный синергетический эффект в масштабе всей конституционной науки права, поскольку авторские суждения и оценки обоих ведущих конституционалистов-современников во многом перекликаются, будучи подкреплены сходными методологическими основаниями.

Приступая к более конкретизированной характеристике нового труда В.И. Крусса, считаем важным сформулировать прежде всего **ряд аргументов в поддержку выбора ученым предметной области**, применительно к которой им принято и реализовано решение осуществить доктринальную апробацию ранее разработанных теоретических основ конституционализации права. Во вводной части ученый поясняет причины, побудившие его исследовать проблематику конституционализации именно фискально-экономических обязанностей,

² См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М., 2016. С. 17, 38, 39, 51, 65, 69–72, 164 и др.

³ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017.

⁴ См.: там же. С. 64–97, 170–212, 261–267 и др.

⁵ См.: Крусс В.И. Указ. соч. С. 41, 42, 87, 88 и др.

следующим образом: “В конституционализации правового регулирования общественных отношений, связанных с выполнением *основных обязанностей* человека и гражданина, чрезвычайно важным сегодня представляется то направление, где речь идет о конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). Именно *конституционное* нормативное опосредование этой обязанности и соответствующее налоговое администрирование призваны и могут содействовать, с одной стороны, производительному росту свободной и добросовестной экономической активности и предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов и, с другой стороны, устойчивому наполнению бюджетных ресурсов страны как необходимой материально-финансовой предпосылки осуществления Российским государством конституционной социальной политики (ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 34 Конституции РФ)” (с. 5). В этом контексте мы не находим поводов для каких-либо сомнений в верности последующего утверждения автора, когда он, обращаясь к вопросу об этимологии понятия фискально-экономических обязанностей, пишет, что гипотеза “фискально-экономических обязанностей отсылает прежде всего к положению ст. 57 Конституции РФ, установившей для каждого из лиц, находящихся в правовой системе России, обязанность платить законно установленные налоги и сборы. В предельном обобщении этой обязанности корреспондирует конституционное право России как правового и социального государства добиваться ее конституционного выполнения, включая необходимое гарантирование и правосудное обеспечение сопутствующих конституционных прав и свобод человека и гражданина... *Соответствующее конституционно-правовое отношение проецируется едва ли не на всю российскую правовую систему* (курсив наш. — М.Б.)” (с. 11).

Действительно, как верно замечает В.И. Крусс, “Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что справедливо ассоциируемые с такими [фискально-экономическими] обязанностями платежи (налоги), обеспечивая финансовую основу деятельности государства, являются необходимым условием его существования. От того, в какой мере осознается всеми налогоплательщиками значение их основной обязанности, необходимость ее добросовестного выполнения и как такое осознание подтверждается на практике, решающим образом зависят состояние экономической системы государства, а значит, и осуществление им своих социальных функций, поддержание необходимых уровней безопасности и обороноспособности страны. Равным образом государство должно

обеспечивать возможности добросовестного выполнения налогоплательщиками налоговой обязанности, во многом сходным образом с тем, как оно конституционно призвано делать это по отношению к правам и свободам человека и гражданина” (с. 11, 12).

В свете приведенных выше суждений даже в самом первом, поверхностном приближении нельзя не усмотреть в той области общественной жизни, в рамках которой обеспечивается исполнение фискально-экономических обязанностей человека и гражданина, настолько широкую гамму прямых и опосредованных взаимосвязей с другими областями юридического быта, что становится очевидным: вся (без изъятий) государственная и, следовательно, правовая жизнь общества протекает в постоянной интерференции с процессами формирования и расходования фондов публичных средств. Поскольку в этой связи речь идет о фондах, которые в силу самого их предназначения должны расходоваться только в публичных целях (служить прежде всего удовлетворению публичных нужд), отсюда совершенно закономерным выглядит и решение вопроса о природе фискально-экономических обязанностей как обязанностей солидарных, а значит, восходящих к базовым конституционным смыслом общеправовых принципов социальной солидарности, справедливости, равенства; именно такие методологические послышки подробно, убедительно и достоверно представлены в обсуждаемой монографии (с. 17–53).

Соответственно, в этом ключе становится совершенно понятным, что выбор автором заявленной предметной области исследования, который согласно замыслу ученого и обеспечил логичность и успешность доктринальной апробации ранее разработанного им теоретического концепта конституционализации права, был осуществлен вовсе не по соображениям личных гносеологических “симпатий” или “антипатий”, а сделан сугубо рационально: ведь именно полисемичный характер регулятивных коннотаций, свойственный общеправовым принципам (в том числе названным выше принципам солидарности, справедливости, равенства) и, несомненно, весьма рельефно проявляющийся в области обеспечения исполнения фискально-экономических обязанностей, дает надежную и в необходимой степени эмпирически насыщенную почву для более глубокого и разностороннего осмысления концепта конституционализации права применительно к отдельным, специфичным областям социального бытия.

Теперь **несколько слов о структуре работы.** Рецензируемая монография наряду с традиционными

для такого рода исследований вводной и заключительной частями включает пять глав, образующих ее основное содержание и отражающих ход и результаты проведенного проф. В.И. Круссом анализа. Как представляется, структура работы и последовательность обсуждения в ней соответствующих проблем являют пример юридического классицизма, поскольку, с одной стороны, позволяют заинтересованному читателю продвигаться от общего к специальному (частному), а с другой — коррелируют с основными элементами юридического механизма опосредования фискально-экономических обязанностей. Последнее обстоятельство выглядит весьма логичным и объясняется тем, что процесс конституционализации права имеет своим предметом именно различные элементы юридического механизма опосредования отношений, складывающихся в соответствующих областях общественной жизни.

Но что важно и является ключевой особенностью структуры новой монографии В.И. Крусса? Обсуждение проблематики конституционализации права, — будь оно в самом широком, концептуальном ключе или же касаясь лишь отдельных, “жанровых” вопросов, — немыслимо вне рамок конституционного правопонимания. В отсутствие такового любой разговор о конституционализации неизбежно рискует превратиться в спекулятивную и ни к чему не ведущую схоластику. Эта мысль аргументированно формулировалась ученым и на страницах предшествующей монографии “Конституционализация права: основы теории”; рефреном она проходит и через все содержание обсуждаемой здесь работы. Соответственно, конституционное правопонимание, будучи *ceteris paribus* сфокусировано вокруг ядра, составляющего самую суть конституционного нарратива, — вокруг основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, — позволяет в том числе несколько иначе (и при этом существенно шире) смотреть на вопросы отраслевой дифференциации правовой системы. Во всяком случае при тех методологических подходах, на которых основывается конституционное правопонимание, исследование соответствующих сфер юридического быта, в которых протекают опосредование и реализация определенной группы основных прав, свобод или обязанностей личности, может и должно происходить по содержательному признаку соответствующих правоотношений, с оставлением за рамками обсуждения отраслевой “прописки” применимых к ним норм, тем самым, как бы “превосходя” позитивистскую догму (т.е. оказываясь как бы “над” ней). В этой связи структура новой монографии В.И. Крусса, если углубиться в суть смысловых взаимосвязей

глав, образующих их параграфов и пунктов, представляется не только закономерным и сознательным выбором ученого, но и, что особенно ценно, успешным опытом практического применения указанной выше методологии в целях построения последовательной, основанной на конституционном правопонимании логики юридического исследования.

Сообразно вышеназванному — по гамбургскому счету, неординарному (исключающему ортодоксальность), — подходу к определению предметной области исследования и построению его последовательности и структуры обсуждаемая монография с содержательной стороны предлагает заинтересованному читателю широчайший охват колоссального многообразия тех социальных взаимодействий, которые имеют место быть в области юридического опосредования фискально-экономических обязанностей человека и гражданина. Это обстоятельство, конечно же, не означает, что В.И. Круссом предпринята попытка осуществить детальный анализ всех разновидностей таких социальных взаимодействий: невозможно объять необъятное (да и есть ли в этом гносеологическая необходимость?). Принципиальное значение имеет то, что ученому в работе удалось не отклониться от *проблематики конституционализации* фискально-экономических обязанностей и проследить динамику нормативно-доктринального опосредования таких именно в данном ракурсе.

С точки зрения анализа содержания рецензируемого труда **представляется необходимым в порядке развития научной дискуссии обратить внимание на ряд значимых положений**, отраженных в монографии, краткое мнение по поводу которых мы посчитали возможным и уместным изложить ниже.

1. Так, проф. В.И. Крусс, анализируя механизм правового регулирования бюджетно-фондовых обязанностей, справедливо обращает внимание на подход законодателя, в соответствии с которым для плательщиков страховых взносов, не производящих выплат и иных вознаграждений физическим лицам, “объектом обложения признается минимальный размер оплаты труда, установленный на начало соответствующего расчетного периода, а в случае, если величина дохода такого плательщика за расчетный период превышает фиксированную сумму (300 тыс. руб.), объектом обложения страховыми взносами признается также доход субъекта” (с. 76, 77). Автор совершенно резонно пишет, что «применительно к требованиям равенства и недискриминации такое нормативное решение парадоксальным образом оказывается уязвимым для критики и как улучшающее, и как

ухудшающее положение представителей “свободных профессий” в сравнении с лицами наемного труда» (с. 77). Однако в качестве общей оценки указанного законодательного решения В.И. Крусс предлагает считать, что конкретный размер дохода, по достижении которого объектом обложения страховыми социальными взносами становится весь доход плательщика соответствующей категории, всё же не является здесь принципиальным моментом, поскольку «фиксированная граница, за которой “трудовой заработок” превращается в “индивидуальный предпринимательский доход” лиц обозначенной категории, не имеет и не предполагает достоверного “экономико-правового” обоснования для целей их справедливого обременения». По мнению ученого, главное здесь состоит в том, что, устанавливая подобное “пороговое” значение, законодатель “лишний раз подтвердил солидарную сущность объективно неизбежного фискально-экономического бремени для каждого, кто разделяет позитивную конституционную ответственность за достоверность модели фондового обеспечения социальных прав и достойной жизни каждого в условиях правового государства” (с. 77).

Логика приведенного выше суждения представляется вполне понятной, и с таким подходом к оценке соответствующего законодательного решения в целом следует согласиться. Но в то же время нельзя отрицать и того обстоятельства, что вообще в сфере финансовых взаимодействий личности и государства примеров реализации законодателем имеющейся у него конституционной дискреции практически на грани волюнтаризма (без надлежащих экономических, статистических, социологических и иных обоснований) пока можно отыскать весьма много; нередко такая реализация законодателем имеющейся у него дискреции усугубляется сходной (на грани произвола) реализацией дискреции, которая намеренно или ввиду юридуко-технических погрешностей предоставлена законодателем правоприменителям⁶. Соответственно, означает ли наличие у законодателя

конституционно закрепленной дискреции возможность (и даже необходимость) считать, что дискуссия об экономической обоснованности тех или иных параметров, конкретизирующих фискально-экономические обязанности соответствующих плательщиков, всегда и во всех случаях находится за пределами вопросов права? Думается, что не всегда и не во всех: экономическая обоснованность параметров, ввиду применения которых тем или иным образом конкретизируются фискально-экономические обязанности, по нашему убеждению, является вопросом права в той же мере, в которой вопросом права (и, как следствие, конституционного отражения) является и идея социальной справедливости, поскольку в отсутствие таковой (либо в случае заметных дисбалансов в ее понимании и восприятии разными социальными группами) солидарность в обществе так же остаётся недостижимой. Такое положение дел в конечном счете способно поставить под вопрос и саму природу соответствующих фискально-экономических обязанностей, которая, как отмечалось выше, восходит к релевантным этой природе общеправовым принципам.

2. В связи с изложенным выше нельзя не поддержать В.И. Крусса в его убеждении, согласно которому “толкование налоговых норм должно учитывать иерархический характер российской правовой системы, в которой смысл и значение (высказывание и денотат) любых нормативно значимых установлений, включая общие цели принятия соответствующего закона, не могут быть уяснены в конечном счете без их отношения к Конституции РФ (за рамками семантики ее текста)” (с. 89, 90). На первый взгляд кому-либо из читателей эта мысль может показаться очевидной, в том числе и с точки зрения базовых догматических представлений о соотношении правовых норм по их юридической силе. Однако глубина приведенного суждения (и в контексте обсуждаемой здесь проблематики конституционализации фискально-экономических обязанностей, и с позиций модернизации вообще всего юридического быта современной России) оказывается без преувеличения неисчерпаема, как только мы встаем на позицию различения правового и неправового в законах, а в качестве “первородного”, мета-юридического учреждения (устроения) признаём Конституцию страны как аутентичное право в его инвариантном значении, а не только как нормативный акт, обладающий верховенством и высшей юридической силой. Этот методологический подход к пониманию концепта конституционализации права был подробным образом охарактеризован В.И. Круссом на страницах монографии,

⁶ Думается, что массу примеров на этот счет можно почерпнуть как из содержания норм КоАП РФ, определяющих размеры административных штрафов, так и из правоприменительной практики, связанной с назначением вышеуказанной меры административного наказания за правонарушения, сопоставимые или даже одинаковые по составу и обстоятельствам их совершения. Мы не приводим здесь каких-либо специальных доказательств сформулированного выше суждения, поскольку, с одной стороны, затронутая в нем проблема не составляет непосредственный предмет данного академического отклика, а с другой — она представляется уже общеизвестной для современной российской юриспруденции, так как неоднократно обсуждалась на страницах специальной литературы по административному праву.

опубликованной в 2016 г.⁷, и, тем самым, нашел органичное отражение и в обсуждаемой работе.

3. В приведенном выше контексте полагаем особенно уместным обратить внимание еще на одно суждение, сформулированное автором по результатам критического анализа динамических аспектов конституционализации фискально-экономических обязанностей и оценки перспектив конституционной модернизации их нормативно-правовой базы. В.И. Крусс совершенно обоснованно пишет: «Добросовестное отношение к своим фискально-экономическим обязанностям может выработаться только там, где государство в широком смысле в такой же мере, как субъекты этих обязанностей, связано идеалами и принципами конституционного солидаризма и готово подтвердить это на практике. Пытаться же научным образом доказать, что народ (общество) принципиально не имеет (и не может иметь) конституционно-правового отношения к распределению бюджетных средств, хотя каждый *отдельно* вправе рассчитывать на судебную защиту своих “субъективных публичных” прав от следствий такого необоснованного распределения, — значит, традиционно “подменять” конституционную методологию номенклатурно-отраслевой, возможно, даже искренне не замечая этого» (с. 146).

По вполне прогнозируемым причинам данное суждение проф. В.И. Крусса может встретить отрицательную оценку у его оппонентов, основывающих свои позиции на “непререкаемой” позитивистской догме и реалиях сегодняшней правовой политики и правоприменительной практики: с подобных позиций приведенный выше вывод может показаться “идейным”, излишне пафосным и имеющим отношение лишь к весьма отдаленному (и не факт, что достижимому) будущему правовой системы России.

Однако представляется необходимым упредить подобного рода оценки, поскольку, как уже неоднократно было убедительно доказано в истории общественно-политической мысли, то, как строится и протекает правовая жизнь в государстве, зависит прежде всего от унаследованных, царящих в обществе, будь то унаследования коллективные, групповые или индивидуальные. И не задаваться вопросом о достоверном конституционном правопонимании, который В.И. Крусс настойчиво выдвигает в своей работе на первый план, не формулировать выводы и идеи сродни приведенному выше суждению ученого, значит, заведомо отказываться от какой бы то ни было траектории

правовой модернизации нашей страны, “плыть по течению”.

В подтверждение данного тезиса и в качестве ответа любым возможным апологетам “сухого” догматического позитивизма и деидеологизации в праве считаем уместным привести также ссылку на авторитетное мнение проф. В.Д. Зорькина, который пишет, что “правовая модернизация неразрывно связана с широко понимаемой социально-нормативной модернизацией общества”. При этом одним из ее ключевых факторов выступает *“нравственное воспитание масс. <...> Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех... здоровых общественных сил, и — подчеркну особо — всей системы средств массовой информации. <...> Такого рода нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отстаивания системы духовно-моральных идеалов”*. Всё перечисленное “требует от государства продуманной и планомерной, рассчитанной на длительную перспективу работы по правовому просвещению общества, направленной на формирование правосознания и мировоззрения. Конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна. <...> Формирование конституционно-правового мировоззрения необходимо всем слоям и группам российского общества. Однако следует особо отметить роль совершенствования юридического образования для повышения профессионального сознания юристов (и прежде всего представителей судейского корпуса). При этом речь должна идти не только об овладении будущими юристами необходимыми знаниями, но и об освоении ими *человекоцентричного правопонимания, положенного в основу российской Конституции* (курсив наш. — М.Б.)”⁸.

4. Давая оценку возможности установления льготных режимов выполнения фискально-экономических обязанностей, В.И. Крусс отмечает: «Конституционализация... не исключает льгот и близких им по сути средств публично-властной поддержки посредством дифференциации фискально-экономических обязательств. Однако экстраполяция таких полномочий за рамки федеральной компетенции выглядит достаточно спорной. В том числе потому, что конституционный принцип всеобщего и равного характера фискально-экономического бремени имеет мало общего

⁷ См.: Крусс В.И. Указ. соч. С. 15, 16, 23–26, 34, 35 и др.

⁸ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 92, 93.

с баснословным (восходящим к классификации Платона) “арифметическим” равенством» (с. 186). Далее ученым весьма остро и наглядно подвергается критике легализация на федеральном уровне права представительных органов местного самоуправления на введение дополнительных льгот по налогу на имущество физических лиц, в том числе и не предусмотренных соответствующими нормами Налогового кодекса РФ (с. 186–190). Отмечая низкое качество юридико-технической проработки взятых для примера муниципальных правовых актов, В.И. Крусс резонно указывает также и на коррупционные риски, проистекающие из предоставленной муниципалитетам дискреции: «К сожалению, при выбранной федеральным законодателем сложной конструкции легализации возможностей муниципального нормотворчества применительно к местному налогу на имущество физических лиц возрастают и риски коррупционных “соглашений” представителей публичной власти с недобросовестными налогоплательщиками, и далеко не только из категории нуждающихся в конституционной поддержке» (с. 188).

Разделяя в приведенном выше контексте аргументацию автора рецензируемой монографии, следует подчеркнуть, что конституционализация фискально-экономических обязанностей должна осуществляться с учетом интерферентного взаимодействия и системной взаимосвязи как конституционных положений, устанавливающих принципы исполнения указанных обязанностей, так и норм Конституции РФ, определяющих сущностные черты федеративного устройства страны. В этой связи острая критика, сформулированная им в отношении действительных или вероятных в рассматриваемом срезе регулятивных девиаций, заслуживает решительной поддержки.

5. Наконец, нельзя не согласиться со справедливым и обоснованным негодованием, которое В.И. Крусс выражает применительно к несовершенствам налогового законодательства в аспекте соотношения правоприменительных принципов и сводных правил выполнения (реализации) фискально-экономических обязанностей: «Признавая недопустимость заочных “квазисудебных” выводов, мы не можем не замечать и приводимых СМИ фактов фантастической “безропотности”, с которой государство в лице налоговых администраторов позволяет недобросовестным лицам *в особых случаях* посредством, в общем-то, элементарных схем (ссылок на несуществующие запасы товарной продукции и пр.) перечислять на заведомо подставные фирмы и в офшоры миллиардные суммы для “возмещения” НДС. И одновременно

те же налоговые органы готовы мертвой хваткой вцепиться в рядового предпринимателя, даже косвенно заподозренного в недоимке по НДС как налогу, на который, по признанию официальных лиц, устанавливается жесткий административный *план сбора*» (с. 224). Поводом же для столь жесткой критики ученым правоприменительной практики, сложившейся в обозначенном выше сегменте налоговой системы страны, стало наличие ряда сущностных антиномий в подходах, сформулированных в свое время Конституционным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ (практически одновременно)⁹ по вопросу об обязанности уплачивать налог на добавленную стоимость тех лиц, которые изначально плательщиками данного налога не являются.

Характеризуя выявленные противоречия между правовыми позициями “главного” Суда страны и сложившейся правоприменительной практикой судов и фискальных администраторов, В.И. Крусс с сожалением отмечает, что “соучастие российских судов, а также (в допустимых пределах) фискальных администраторов в конституционализации механизма регулирования фискально-экономических обязанностей в плане его соответствия требованиям необходимого противодействия злоупотреблениям правом далеко от оптимального. Скорее даже в данном отношении Конституционный Суд РФ *практически не имеет поддержки...*” (курсив наш. — М.Б.) (с. 225).

Таким образом, отмечаемая автором “частная” ситуация, сложившаяся в сфере практической реализации норм об уплате НДС, будучи весьма симптоматичной для всей системы налогового правоприменения, к тому же “помноженная” на другие известные сложности в плане исполнения и обеспечения прямого действия правовых позиций Конституционного Суда РФ, неизбежно приводит к постановке вопросов кардинально более широкого плана: о необходимости и параметрах расширения компетенции высшего органа конституционной юстиции, а также об установлении актуальных процессуальных (и процедурных) механизмов обязательной юридической нуллификации

⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2014 г. № 17-П по делу о проверке конституционности положений п. 6 и 7 ст. 168 и п. 5 ст. 173 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом “Камснаб”» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 24. Ст. 3143; постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ “О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость” от 30 мая 2014 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 7.

правоприменительных решений, противоречащих правовым позициям Конституционного Суда РФ. Кроме того, учитывая закрепленный в настоящее время процессуальный порядок инициализации конституционного судопроизводства, в текущей ситуации самостоятельного научного осмысления требует также вопрос о предоставлении Конституционному Суду РФ права на осуществление конституционного нормоконтроля по собственной инициативе в тех особых (исключительных) случаях, когда характер сложившихся в определенной сфере социальных взаимодействий свидетельствует о критическом обострении противоречий между участниками правоотношений, а другие субъекты, которым предоставлено право на обращение в Конституционный Суд для разрешения имеющихся коллизий, в течение времени, разумно необходимого для направления такого обращения, бездействовали.

* * *

Завершая характеристику опубликованной проф. В.И. Круссом монографии “Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации”, необходимо особо отметить, что авторские выводы и суждения, сформулированные им при анализе наиболее значимых, “острых” юридических антиномий и алогизмов, которые наблюдаются при юридическом опосредовании тех или иных фискально-экономических обязанностей, могут быть (с большими или

меньшими уточнениями) экстраполированы как на другие фискально-экономические обязанности, специальным образом не исследуемые в работе в релевантном качестве, так и в целом на сферу отношений по обеспечению исполнения фискально-экономических обязанностей человека и гражданина. Поэтому подчеркнем, что с этих позиций обсуждаемая монография предельно насыщена смыслами, новаторскими идеями, критическими оценками и неочевидными (но обоснованными) выводами: в ней каждый заинтересованный читатель обязательно сможет найти для себя актуальный и для него особенно значимый гносеологический срез дискурса, в русле которого автором с требуемой академической добросовестностью и тщанием препарируется проблематика конституционализации фискально-экономических обязанностей в нашей стране.

И, конечно же, в этом контексте наш этический и совершенно искренний долг состоит в том, чтобы пожелать проф. В.И. Крессу дальнейшей плодотворной разработки различных вопросов конституционализации российского права на современном этапе, ибо, вне всяких сомнений, теоретические и прикладные исследования, основанные на прогрессивной методологии конституционного правопонимания, *per se* не только вносят заметный вклад в развитие современной российской юриспруденции, но и формируют перспективные контуры модернизированной (конституционно-верифицированной) системы юридического знания.